

О. Ю. Цендровский

ИДЕАЛ ВЕЛИЧИЯ В ФИЛОСОФИИ НИЦШЕ

Роль Ницше в философской мысли определяется двумя фундаментальными открытиями. Во-первых, он опознает господство над историей человечества нигилистических инстинктов: враждебных жизни и подавляющих ее самоосуществление сил. Во-вторых, опираясь на метафизику воли к власти, он выдвигает проект переоценки ценностей как средство преодоления «бациллы» нигилизма, оздоровления культуры. Принцип этой переоценки — перемещение точки ценностного отсчета из вневременной, божественной реальности и ниспосланных ей заветов, опознанных как фиктивные и отрицающие жизнь, внутрь вопрошающего и волящего субъекта. Поскольку метафизика воли к власти рисует картину бытия, лишённого божественного покровительства и объемлющего смысла, источник ценностного различения более не может покоиться в вечном и трансцендентном, каковые были признаны опасными заблуждениями. Следовательно, он должен быть перемещен в подвластное времени сущее. Но в какое? В то, которое нас более всего заботит, в то сущее, которое есть мы сами. Ценность ценного теперь состоит в споспешествовании человеческой природе, которая рассматривается Ницше как экспансивное самоосуществление воли к власти, устремленной к абсолютному совершенству и господству. Ходом мысли с неизбежностью диктуется новая великая задача — «высочайшая могущественность и роскошность типа человек»¹, раскрытие высших возможностей жизни и ее неограниченное творческое восхождение.

Проект переоценки ценностей исходит из допущения, что преобладающие базовые мировоззренческие установки противоречат существованию бытия и природе человека, и потому может быть назван проектом натурализации морали. И ему были нужны свои герои, зримые этические и антропологические идеалы, которые бы разительно противопоставили старый, нигилистический табель о рангах новому. Плоды этой потребности известны нами под именами сверхчеловека, свободного ума, философа будущего, благородного человека и великого человека. Учитывая внутреннюю согласованность и стройность цельно осмысленного учения Ницше, нужно остерегаться видеть в них художественные образы, исторические или футурологические описа-

¹ Ницше Ф. Собр. соч. в 2 т. Т. 2 / Сост. и ред. К. А. Свасьяна. — М., 1996. — С. 413.

ния. Сверхчеловек, благородный человек, великий человек и т. д. — все это строгие философские концепты, уходящие корнями в основание ницшевской антропологии и в сердце метафизики воли к власти, которая требует существования каждого из них в их специфичности и самостийности.

Среди названных идеалов последние два начали оформляться ранее других, задолго до возникновения ключевых идей Ницше. Они же, тесно сопряженные, — благородство входит в состав величия², — скрупулезно разрабатываются мыслью философа вплоть до последнего ее биения.

Уже в первых своих сочинениях Ницше связывает с трудами великих индивидов все важнейшие достижения культуры и саму будущность человека. Лишь они, носители утверждающих и переливающихся через край жизненных сил оказываются в состоянии измыслить, содейть, создать исключительное, сделать подлинный шаг вперед, наполнить, скрепить и возвысить человеческое бытие. Инертное большинство суть разменные монеты эволюции, блеклые и искаженные подобию великих натур, далее, помехи им и, наконец, — орудия их воли, простирающейся над временами и пространствами. Судьбы мира целиком направляются свершениями немногих, а сегодняшний день незримо и незнаемо для себя повинуется мыслям, высказанным столетия и тысячелетия назад. Закономерно, тогда, то убеждение, которое Ницше впервые отчетливо сформулировал в эссе «Шопенгауэр как воспитатель» (1874 г.) и лишь впоследствии скорректировал и обосновал метафизически: «Человечество должно непрерывно трудиться над созиданием отдельных великих людей — и это, а не что иное, есть его задача»³. Переходя от исследования человеческой истории к наблюдению царства жизни в целом, молодой философ приводит следующую аналогию: лишь там, где «вид достигает своей границы и своего перехода в высший вид, лежит и цель его развития, а не в массе экземпляров и их благосостоянии»⁴.

Государство, следовательно, должно быть поставлено на службу высшей культуре и совершенствованию человеческого типа, величию как таковому во всех его проявлениях, но не жалкой продолжительности и комфортабельности существования. Эгалитарные приоритеты ведут в лучшем случае к кружению на месте, бездарной потере времени, лишь вопреки которой осуществляется развитие. Благороднейшая задача индивида, если он сам не есть выражение предельных возможностей типа, суть существование ради высших культурных задач и «для пользы редчайших и ценнейших экземпляров, а не для пользы большинства, т. е. экземпляров наименее ценных, если брать их поодиночке»⁵.

Понимание существа благородства и величия не претерпевает коренных изменений с самых ранних опытов размышления на эту тему в черновиках и сочинениях первой половины 1870-ых гг. По мере развития философского мышления Ницше происходит его расширение и углубление вплоть до становления их неотъемлемыми частями цельной мировоззренческой системы в качестве антропологических концептов. Задача философа, социального реформатора и общества в целом, однако, приобретает вскоре несколько иные очертания: акцент переносится на формирование новой, утверждающей культуры и новой знати как ее выразительницы, а не отдельных великих индивидов.

² Там же. С. 337.

³ Ницше Ф. Собр. Соч. в 5 т. Т. 1. — СПб., 2011. — С. 362.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 363.

Не задаваясь целью проследить эволюцию ницшевского образа величия во времени, приступим к последовательному изложению его содержания.

Источником и первой предпосылкой всякого человеческого свойства Ницше видит не зависящую от индивида биологическую данность. Самость человека, его «гранит духовного фатума»⁶, предустанавливает границы варьирования признаков, содержит в себе набор жизненных возможностей и распределяет вероятности их реализации. То, что в будущем определит судьбу личности, складывается из игры вездесущего случая и влияния наследственности. Великие личности суть наследники «богатства доблести и умений», накопленных сил многих поколений, которые «...путем счастливых и разумных браков, а также благодаря счастливым случайностям... не расшатались, не расплылись, а именно в них, в этих людях, обрели вдруг прочную перевязь и слитное единство воли. Вот так в итоге и возникает человек, невероятный в силе своей, который требует для себя и невероятной задачи»⁷. Величие подчиняется всеобщему закону жизни, который заставляет и существо, и вид меняться под давлением обстоятельств и передавать изменения потомству. Если изучить генеалогию величия во всей ее многомерности и протяженности, то в ней откроется «история невероятного накопления и капитализации сил путем всевозможных лишений, борьбы, труда, продвижений и проталкиваний наверх. Именно потому, что великий человек столько стоил, а вовсе не потому, что он стоит перед нами как чудо, как дар небес или “случая”, он и стал велик»⁸.

Как и благородство, величие основывается на здоровье и силе инстинктов — исходных, иррациональных установок к действию. Благородная душа богата ими — и внутренне противоречива. Между ее множественными порывами и полюсами, которые великий человек оказывается способен подчинить единой воле и поставить себе на службу, существует огромное напряжение. «Величайший человек, — свидетельствует Ницше, — должен бы располагать и величайшим многообразием влечений, и при этом в относительно наивысшей их силе, какую только можно выдержать», он есть лук «огромного натяжения»⁹. Устройство его души не ограничивается светлой частью спектра. Не исключено, что «с каждым прирастанием человека ввысь и в величие он растет также в глубь и в страшное»¹⁰. Следует потому признать: «у величайших людей, возможно, велики и добродетели, но как раз поэтому велики и их противоположности»¹¹.

Тем не менее величие в строгом смысле слова обретается не благодаря широте и богатству благородной души, многообразию элементов и остроте противоречий, а тому обстоятельству, что «совокупность могучих и противоположно направленных инстинктов» присутствует в ней «в связанном, укрощенном виде»¹², за счет упорядочивающей силы, «которая может определить этих великолепных зверюг себе на службу»¹³ и без коей они ее растерзают.

⁶ Ницше Ф. Собр. соч. в 2 т. Т. 2. — С. 353.

⁷ Ницше Ф. Воля к власти. — М., 2005. — С. 528.

⁸ Там же. С. 519.

⁹ Там же. С. 518–519.

¹⁰ Там же. С. 541.

¹¹ Там же. С. 519.

¹² Там же. С. 519.

¹³ Там же. С. 504.

Великий человек, личность предельно концентрированная и сопрягающая цельность с разносторонностью, обладает, поэтому, способностью к «продолжительной решимости»¹⁴ как своей определяющей чертой. Одержимость целью, неустанное и нередко фанатичное служение некоей потребности, замыслу с давних пор угаданы как отличие сильнейших экземпляров человека. Обратимся ли мы к почитаемым великими фигурам древней истории или новейшей, мы непременно натолкнемся в них на поглощенность одной страстью, одной задачей. Так, Ганнибал воплощал протянувшуюся через десятилетия жажду мести и ненависть к Риму, Александр и Наполеон — всепоглощающее стремление к политической власти и господству над миром, плеяда гениальных ученых и мыслителей — безудержность познания.

Продолжительная решимость раскрыла в великих людях «великих работников», что в свою очередь сделало возможным осуществление их грандиозных замыслов. «Они не только неутомимо изобретали, но и неутомимо отвергали, проверяли, совершенствовали, упорядочивали»¹⁵. Сверхчеловеческое усердие в складывании великой личности на поверку существеннее даровитости и таланта: «можно назвать великих людей всякого рода, которые были мало даровиты. Но они приобрели величие, стали “гениями” (как это обыкновенно говорят) в силу качеств, об отсутствии которых предпочитает молчать тот, кто сознает их в себе: все они имели ту деловитую серьезность ремесленника, которая сперва учится в совершенстве изготовлять части, прежде чем решается создать крупное целое...»¹⁶.

Словом, великий человек «во всем своем действии... руководствуется долговременной логикой, которая — именно ввиду ее протяженности — трудно обозрима и следовательно может вводить в заблуждение». Он обладает способностью «простирает свою волю над большими пространствами собственной жизни, дабы всякими мелочами пренебрегать, отбрасывать их, даже если есть среди них самые прекрасные, самые “божественные” вещи на свете»¹⁷. Крайним воплощением такого отношения является то, что «человек, стремящийся к великому, смотрит на каждого встречающегося ему на пути либо как на средство, либо как на задержку и препятствие — либо как на временное ложе для отдыха»¹⁸.

Ницше периодически подчеркивает необходимость стягивания жизненной перспективы и четкой направленности действий. В конце 1882 г. в письме Эрвину Роде он пишет: «Мы должны вкладываться во что-то целое, иначе множество незначительных целей раздробит нас на осколки»¹⁹. Восемью годами ранее, рассуждая о положительной роли забвения, он дает еще более общую и лаконичную формулировку: «...Все живое может стать здоровым, сильным и плодотворным только внутри известного горизонта...»²⁰.

Предпочтение долговременной логики требованиям мгновения, отдаленность устремлений от расхожего и легкодоступного выступают для Ницше конститутивными показателями ранга. Но великий муж отличается не только тем, что им владеет

¹⁴ Ницше Ф. Собр. Соч. в 2 т. Т. 2. — С. 336.

¹⁵ Там же. Т. 1. — С. 328.

¹⁶ Там же. С. 332.

¹⁷ Ницше Ф. Воля к власти. — С. 516.

¹⁸ Ницше Ф. Собр. соч. в 2 т. Т. 2. — С. 395.

¹⁹ Ницше Ф. Письма / Сост., пер. с нем. И. А. Эбаноидзе. — М., 2007. — С. 194.

²⁰ Ницше Ф. Собр. соч. в 2 т. Т. 1. — С. 163.

«наиболее бурное и наиболее продолжительное желание», могучая воля к цели²¹. Его решимость «искать к тому средств» также намного превосходит обычную меру, поэтому жизнь для него неотъемлема от постановки себя «вне круга морали»²², узость коего зачастую не дает орудий для осуществления великих замыслов²³. Величие воспринимается Ницше как сила, могучая быть в своем созидательном порыве разрушительной и способная пренебречь во имя своих целей сеемым хаосом. Но «кто достигнет чего-нибудь великого, если он не ощущает в себе силы и решимости причинять великие страдания?»²⁴, — спрашивает он.

Способность выхода за пределы устанавливаемых традиционной нравственностью правил, «свобода от обычая, совести, долга»²⁵, презрение к «добродетелям стада»²⁶, влагающие в руки средства, прилицивающие великим задачам, проистекают из духовной независимости, свободы ума. Незнающий над собой «высших инстанций», великий человек находится в недостижимости для чужих мнений и оценок, по ту сторону «хвалы и хулы», он руководствуется внутренним законом и той влекущей вперед энергией, которую Александр Македонский называл «потосом»²⁷.

Суверенная воля и сильный ум воспитывают недоверие, автономию действия и мышления, скептицизм как позицию, которая позволяет «смотреть свободно»²⁸. «Убеждение — это тюрьма. При нем не видишь достаточно далеко вокруг, не видишь под собой...»²⁹, поэтому «свобода от любого рода убеждений — одна из сильных сторон его воли. Это свойственно тому «просвещенному деспотизму», который источает всякая сильная страсть. Таковая всегда ставит интеллект себе на службу, у нее хватает духу прибегать и к несправедным средствам; она действует безоглядно; она позволяет себе иметь убеждения, она сама даже нуждается в них, но никогда не становится их рабыней. ...«Свобода духа», то есть неверие как инстинкт, — необходимая предпосылка величия»³⁰. Высшая жизненность не позволяет великому уму ограничиться школой подозрения и голым отрицанием, его негативность дополняется постоянством пытливого и живого творческого поиска. Великие исторические личности, по словам раннего Ницше, «во всех своих движениях, во всем выражении лица, в вопросе, которым звучал их голос, и в огненном взгляде высказывали только одно: они были ищущие...»³¹.

Исследуя характер отношений между великой личностью и обществом, Ницше определяет существо ее творческой деятельности как преступление. В радикальном творчестве преодолевается и бросается вызов тому, что является в данном обществе традицией, привычкой, законом. Он пишет: «все великие люди были преступниками... величие неотъемлемо от преступления»³². Мера отрыва от нормы и обычая, от средне-

²¹ Ницше Ф. Воля к власти. — С. 200.

²² Там же. С. 89.

²³ Там же. С. 517.

²⁴ Ницше Ф. Собр. соч. в 2 т. Т. 1. — С. 647–648.

²⁵ Ницше Ф. Воля к власти. — С. 402.

²⁶ Там же. С. 516.

²⁷ Там же. С. 517.

²⁸ Ницше Ф. Собр. соч. в 2 т. Т. 2. — С. 680.

²⁹ Там же.

³⁰ Ницше Ф. Воля к власти. — С. 517.

³¹ Ницше Ф. Собр. соч. в 5 т. Т. 1. — С. 164.

³² Ницше Ф. Воля к власти. — С. 402.

го и ожидаемого является внешним определением величия, в котором выражается внутренняя данность. Она дает своеобразный количественный критерий ранга, позволяя с сантиметровой точностью определить высоту над уровнем человека. Ницше не признает ничего великого, к чему не примешивалось бы «великого преступления»³³, то есть великого переступания.

Высший человек и его время посему находятся в непримиримой борьбе, он вынужден преодолевать и его инерцию, и ожесточенное сопротивление обороняющейся традиции. Тем не менее именно это противоборство осуществляло и осуществляет всякое развитие, в котором акт созидания сопрягается с разрушением. Современность справедливо опознает в радикальности великого созидания угрозу своему укладу, образу жизни и мысли. Она безошибочно чувствует, что для общества «великие люди, как и великие времена, суть взрывчатые вещества, в которых накоплена огромная сила»³⁴, они угрожают его стабильности. «Взрывоопасное не только безвредно разряжать, но и по возможности предотвращать самую его разрядку... Основной инстинкт всякого цивилизованного общества»³⁵.

Великий человек борется со своим временем не только как с противостоящей ему внеположностью. Он должен одержать над ним верх в самом себе как над тем, «что мешает ему быть великим, — а это означает у него лишь: свободно и цельно быть самим собой... Его вражда, в сущности, направлена против того, что хотя и есть в нем, но не есть собственно он сам — именно против нечистого нагромождения чужеродных и вечно несоединимых начал, против ложного прицепления своевременного к его несвоевременной природе: и в конечном счете мнимое дитя своего времени оказывается лишь пасынком последнего»³⁶.

Антагонизм обыденного и исключительного, посредственного и великого лежит в основе развития и сливает их воедино как в отдельном человеке, так и в обществе. Выходит, общество все же извлекает «пользу» из великих? Да, но не то самое, современником и разрушителем которого они являются, и лишь в той мере, в которой оно само есть поместителище и почва высших возможностей человека. Что современники не умеют непосредственно извлечь из них «никакой пользы, это само, быть может, относится к величию...»³⁷. Великий человек, для задач которого большинство скорее помеха, чем орудие, так же, как и общество, не признает обыкновенно за этой борьбой плодотворной роли. В этом он несправедлив, ибо в действительности созревает и выковывается в ее горниле, отрицание есть для него и сильнейший стимул, и способ утверждения.

До сих пор мы рассуждали о великой личности как о силе огромного общественного, даже исторического значения, силе созидающей, подрывающей, расшатывающей и не могущей потому быть незаметной. Могучий поток придающей форму, упорядочивающей и переупорядочивающей деятельности суть естественное проявление высшей воли к власти великих людей: «Они хотят внедрить свой образ в большие людские сообщества, хотят придать единую форму всему разнородному и неупорядоченному, вид хаоса раздражает их»³⁸.

³³ Там же. С. 89.

³⁴ Ницше Ф. Собр. соч. в 2 т. Т. 2. — С. 618.

³⁵ Ницше Ф. Воля к власти. — С. 490.

³⁶ Ницше Ф. Собр. соч. в 5 т. Т. 1. — С. 343.

³⁷ Ницше Ф. Собр. соч. в 2 т. Т. 2. — С. 624.

³⁸ Ницше Ф. Воля к власти. — С. 517.

Это, однако, не может быть причислено к существу великой природы. Величие человека не определяется никаким эффектом и не обязательно должно находить воплощение в сфере непосредственных социальных перемен, оно «просто в его “инакобытии”, в том, какой он непосредственно, во внушаемом им чувстве ранга и дистанции, — а не в каком-то воздействии, пусть от него хоть весь земной шар сотрясается»³⁹. И действительно, «если грубой массе пришлось по душе какая-либо идея, например, религиозная идея, если она упорно защищала ее и в течение веков цепко за нее держалась, то следует ли отсюда, что творец данной идеи должен считаться в силу этого и только в силу этого великим человеком? Но почему, собственно? Благороднейшее и высочайшее совершенно не действует на массы...»⁴⁰.

Величие высшего рода, напротив, невидимо и ступает неслышными своему времени шагами: «Величайшие события и мысли — а величайшие мысли суть величайшие события — постигаются позже всего: поколения современников таких событий не переживают их — жизнь их протекает в стороне. Здесь происходит то же, что и в царстве звезд. Свет самых далеких звезд позже всего доходит до людей, а пока он еще не дошел, человек отрицает, что там есть звезды. “Сколько веков нужно гению, чтобы его поняли?” — это тоже масштаб, это тоже может служить критерием ранга и соответствующим церемониалом — для гения и звезды»⁴¹.

В начале рассмотрения мы связали свойства, по которым опознается великий человек, со здоровьем инстинктов. В понятие инстинкта Ницше включает самый широкий круг явлений от сластолюбия и властолюбия, жадности и мести до тяги к познанию, вере, покою, справедливости, борьбе, состязанию, удовольствию, бегству, стадности и уединению. Все они и многие неназванные, напитанные силой и в плодотворном соотношении, уравновешивая друг друга и побуждая к действию, составляют фундамент великой души. Но некоторые из базовых установок великой личности превосходят все прочие своей ролью и имеют по отношению к ним определяющее значение. В первую очередь это относится к активности и утверждению, которые в силу своего основополагающего характера должны именоваться скорее режимами.

1. Активный и жизнеутверждающий режимы властвования. Великий индивид во всей полноте выражает существо воли к власти в двух продуктивных режимах ее функционирования: активности и утверждения. Различие между членами первой оппозиции — активностью и реактивностью — состоит в той мере, в какой сила способна себя реализовать. Действуя по способу активности, она свободно осуществляется до последних своих пределов. Реактивный режим, напротив, сдерживает подавляет силу, отрывая ее от ее высших возможностей. В этом качестве он является необходимой частью существования силы в человеке. Однако, в случае безраздельного преобладания, реактивность представляет собой болезненное, враждебное развитию жизни явление и имеет своим следствием слабость, пассивность, конформность, избрание пути наименьшего сопротивления. Реактивное существо склонно действовать лишь в ответ на внешний стимул, на понуждающую необходимость, реагировать. Оно неспособно к энергичной спонтанной деятельности, целенаправленному и длительному усилию, к творчеству, борьбе и напряжению, в нем всякое амбициозное стремление душит в зародыше.

³⁹ Там же. С. 482.

⁴⁰ Ницше Ф. Собр. соч. в 2 т. Т. 1. — С. 219.

⁴¹ Там же. Т. 2. — С. 399.

Вторая оппозиция описывает противоположные типы направленности воли к власти: утверждение и отрицание. Здоровая, утверждающая воля к власти осуществляется через созидание и творческое упорядочивание. Отрицание для нее лишь вспомогательное средство на службе восхождения жизни, оно расчищает почву и удаляет препятствия. В результате различных отклонений, прежде всего ошибки смещения, заставляющей принимать чувство собственной силы от разрушения, подавления, агрессивного превосходства за ее реальный прирост, отрицание может стать основной практикой. Это высвобождает чистую деструктивность и ставит развитие в тупик, поскольку ради средства забывается сама исходная цель.

Нигилистические практики и учения, господствовавшие над человечеством всю его историю, являются выразителями режимов отрицания (ненависть к миру сему и области телесного, тяга к миру фикций, ненависть к сильному, независимому, богатому, многомудрому) и реактивности (смирение, целомудрие, отказ от власти и богатства, отказ от познания, повиновение). В великом человеке, антинигилистическом антропологическом типе, преобладает активное утверждение. В нем отношения между режимами идеально сбалансированы, что и наделяет его натуру суверенностью, способностью к продолжительной решимости, деятельной и творческой экспансивностью.

2. Эгоизм. Вполне естественно тогда, что великий человек, коль скоро он воплощает существо воли к власти в его полноте, есть нечто наиболее эгоистичное. Однако свойственное ему для-себя-бытие зачастую принимает формы коллективных целей и «альтруистических» деяний. Утверждая объемлющий принцип, некую превосходящую его собственную жизнь идею, великий индивид тем самым простирает свою волю над областями куда более обширными и богатыми, чем обычный человек. Его «эгоизм» разительно отличается от мелочного, вульгарного себялюбия, запертого в тесной конуре непосредственных жизненных интересов, великий эгоизм человеку низшего ранга должен казаться жертвенным безрассудством, чем-то совершенно «невыгодным».

3. Уверенность в себе. Великий индивид как существо автономное, движимое однозначными и здоровыми инстинктами, обладает неколебимой верой в себя. Чувство избытка сил и добродетелей, недостигаемость для чужой хвалы и хулы, ощущение собственного избранничества и фатума в движении к цели не оставляют места сомнениям. Величайший не знал бы, что такое выбор, он был бы сам рок, сила природы, следующая единственным возможным для нее путем.

Ницше называет и ряд других особенностей. Великому присуще одиночество, но не как решение, а как необходимость и данность. В себе он носит пустыню уединения со своими задачами, он недостигаем по причине своей самостийности и в силу своего ранга. У величия завоевательного, наступательного избыток жизненных сил выражается в вере в свою судьбоносность, даже бессмертие, такой человек не боится риска, он нередко отказывается допустить, что для него вообще есть риск. Перебирая судьбы потрясателей государств и народов, мы повсеместно встречаем этому подтверждение, в особенности, обращаясь к самым известным примерам. Так, античные и современные историки единодушно свидетельствуют, что Александр верил в свою неуязвимость и наравне со своими солдатами подвергал себя опасности, Ганнибал и Сулла отваживались на самые отчаянные предприятия и везде в них были ведомы верой в свою счастливую звезду, Цезарь неоднократно сражался в рядах собственных войск и пренебрегал предупреждениями о покушении, Наполеон бился в первых ря-

дах и невозмутимо стоял под шквальным артиллерийским огнем, не мысля о смерти и поражении. Великий есть «дерзновение... опасность... игра в кости насмерть»⁴², он расточителен до безрассудства, как природа, ибо не верит в конечность своих богатств. «Он изливается, он переливается, он расходует себя, он не щадит себя, — с фатальностью, роковым образом, невольно, как невольно выступает река из своих берегов»⁴³. В нем «инстинкт самосохранения как бы снят с петель; чрезмерно мощное давление вырывающихся потоком сил воспрещает ему всякую такую заботу и осторожность»⁴⁴. Вместе с тем, его способность к страданию, сопротивлению, претерпеванию, крайнему напряжению также носит на себе печать исключительности. Важно, впрочем, иметь в виду, что Ницше подразумевает разнообразие типов величия и высший из них состоит вовсе не из победоносных полководцев, но из «изобретателей новых ценностей», великих творческим духом, вокруг которых незримо «вращается мир»⁴⁵. Именно они, а не завоеватели, политики и магнаты, определяют собой историю, так что всякий социальный реформатор, не являющийся вместе с тем революционным мыслителем, суть всего лишь марионетка, не способная увидеть управляющих ее решениями длинных нитей, протянутых через столетия.

Разбирая условия созревания великой личности, Ницше подчеркивает, что зачастую они резко отличны от условий плодотворной жизни человека обычного, иногда и вовсе противоположны им: «...Та самая дисциплина, которая сильные натуры укрепляет и окрыляет на великие начинания, натуры посредственные же ломает и гнет: сомнение, — широта сердца, — эксперимент, — независимость»⁴⁶.

Можно было бы следовать по проложенному пути перечисления и далее. Существенное, однако, было указано, и по завершении рассмотрения у некоторых, несомненно, возникнет желание обвинить Ницше в неизжитой с юности мечтательности, наивном романтизме, культуре героев. Такая оценка вполне справедлива, если рассматривать величие как образ или даже как всего лишь идеал, отказываясь усмотреть его существо как строгого философского концепта, метафизически и антропологически аргументированного. Типичный отказ теме величия в философской серьезности является следствием общего вердикта, отрицающего за мышлением Ницше дельность, завершенность и согласованность. К сожалению, такой подход к философии Ницше абсолютно доминирует как в комментаторской литературе, так и в массовом сознании. Ницше определяется как поэт, как интуитивист, как философ противоречий, как ставящий саму возможность истины под сомнение, допуская лишь интерпретации, — и так далее.

В немалой мере сама буква его текстов обманчива, она подбивает на восприятие его философии как «литературы» и препятствует цельному, систематическому видению. Несомненно, что именно как художественный произвол будет воспринят, например, следующий характерный отрывок, если не видеть при этом весь широкий контекст его мысли: «В идеале философа в состав понятия «величия» должна входить именно сила воли, суровость и способность к продолжительной решимости. <...>...Нынче в состав понятия «величия» входят знатность, желание жить для себя, способность быть

⁴² Там же. С. 82.

⁴³ Там же. С. 619.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. С. 95.

⁴⁶ Ницше Ф. Воля к власти. — С. 493.

отличным от прочих, самостоятельность, необходимость жить на свой страх и риск; и философ выдаст кое-что из собственного идеала, если выставит правило: «самый великий тот, кто может быть самым одиноким, самым скрытным, самым непохожим на всех, — человек, стоящий по ту сторону добра и зла, господин своих добродетелей, обладатель огромного запаса воли; вот что должно называться величием: способность отличаться такой же разносторонностью, как и цельностью, такой же широтой, как и полнотой»⁴⁷. Учитывая тему настоящей работы, не было возможности в достаточной мере показать цельность и согласованность его учения, таящиеся за внешней фрагментированностью и «поэтическим легкомыслием». Тем не менее, пример беглого разбора идеала величия до известной степени обнаруживает отношения взаимодополнения, поддержки и координации, в которых находятся между собой все темы и концепты его философии.

В соответствии с систематической интерпретацией, идеал великого человека — антропологический тип, созданный в рамках проекта преодоления нигилизма путем переоценки ценностей и натурализации этики. Будучи основан на ницшевской метафизике воли к власти, идеал величия представляет собой описание ключевых условий эффективного самоосуществления жизни и ее естественного ориентира. В своей предельной формулировке он вмещает в себя благородство души и свободный ум, сочетает духовную силу с могучей и сосредоточенной на избранной задаче волей, что Ницше удачно характеризует понятиями продолжительной решимости и долговременной логики действия. Вместе с тем, великий человек не венчает ницшевскую этико-антропологическую иерархию: в деле преодоления нигилизма он имеет над собой еще и высшую инстанцию — сверхчеловека. Сверхчеловек подразумевает окончательное устранение самого корня нигилизма — духа мщеничества, по существу, главного антагониста Заратустры⁴⁸.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ницше Ф. Собр. соч. в 2 т. / Сост. и ред. К. А. Свасьяна. — М., 1996.
2. Ницше Ф. Воля к власти. — М., 2005.
3. Ницше Ф. Письма / Сост. и пер. с нем. И. А. Эбаноидзе. — СПб., 2007.
4. Ницше Ф. Собр. соч. в 5 т. — Т. 1. — М., 2011.
5. Хайдеггер М. Что зовется мышлением? — М., 2010.

⁴⁷ Ницше Ф. Собр. соч. в 2 т. Т. 2. — С. 337.

⁴⁸ Там же. С. 71, 101. Такое понимание сверхчеловека впервые было предложено и обстоятельно аргументировано М. Хайдеггером (см., напр.: Хайдеггер М. Что зовется мышлением? — М., 2010. — С. 138–140).